

Кирилл Осповат

Поэзия демократии:

СТИХОТВОРНЫЙ ЯЗЫК И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ВООБРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В «ВЕСТЯХ
О РОССИИ» (1849) И «ВОСПОМИНАНИЯХ»
САВВЫ ПУРЛЕВСКОГО¹

Kirill Ospovat

The Poetry of Democracy: Poetic Language and the Peasant Political Imagination
in Savva Purlevskii's "News about Russia" (1849) and "Memoirs"

Кирилл Осповат (Университет Висконсина в Мэдисоне, Департамент германских, скандинавских и славянских языков и литератур, доцент; кандидат филологических наук) ospovat@wisc.edu.

Kirill Ospovat (PhD; Assistant Professor, Department of German, Nordic, and Slavic Literatures, University of Wisconsin-Madison) ospovat@wisc.edu.

Ключевые слова: русская литература XIX века, крестьянство, поэзия, народничество, политическое воображение

Key words: nineteenth-century Russian literature, peasantry, poetry, Populism, political imagination

УДК: 821.161.1+82-1
DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_89

UDC: 821.161.1+82-1
DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_89

Статья исследует политическое воображение русского крестьянства XIX века, его представления о свободе и демократии на материале двух сочинений, связываемых с именем крепостного предпринимателя и писателя С.Д. Пурлевского — его посмертных «Воспоминаний» (1877) и анонимной поэмы «Вести о России» (1849). Отправляясь от этнографических свидетельств о республиканстве крестьян и общинного уклада, автор задается вопросом о роли книжных литературных форм в фиксации крестьянского демократического мышления. Вместо устойчивых дисциплинарных представлений о «высокой» литературе — в том числе поэзии — как исключительном достоянии социальных верхов и, конкретнее, литературских кружков и салонов, статья предлагает увидеть в литературе и художественной форме форум общественного мышления и речи, принципиально открытый писателям и читателям из разных сословий и классов.

This article investigates the political imagination of the Russian peasantry and its interpretations of freedom and democracy as reflected in two works associated with the peasant entrepreneur writer Savva Purlevskii: his posthumous "Memoirs" (1877) and the anonymous poem "News about Russia." Starting from ethnographic evidence of republican principles among peasants and the communal way of life, the author explores the role that erudite literary forms could play in documenting peasant democratic thought. Instead of stable disciplinary ideas about "high" literature — including poetry — as the exclusive property of the cultural elites and concrete literary circles and salons, the article proposes to see a forum of social thinking and speech within literary and artistic forms that was discovered principally by writers and readers from various social strata and classes.

Вступление: крестьянская демократия

Адресуясь из заключения к Николаю I, декабрист П. Г. Каховский заговорил о русском крестьянстве. Признавая, что рабство, «самое тяжкое бремя, гнетущее земледельцев наших, образовало их», так что многие из них вынуждены

---

1 Я признателен А.С. Бодровой за ценные соображения об этой работе.

прибегать к «хитрости и обману, свойству рабов», Каховский тут же констатировал, что слово «свобода», которого побоялись восставшие 14 декабря, потрясает «сердца равно всех сословий в народе». Ссылаясь на собственные наблюдения, он писал о том, что вдали от барского гнета крестьянские общины составляют «маленькие республики». «Ум и простое убедительное красноречие», выказываемое русскими крестьянами на мирских сходах, дает им «преимущество и во правах и в образовании» перед образцово-свободной нацией — французами².

Рассуждение Каховского нарушает сразу несколько границ, размечающих современную исследовательскую оптику. Его слова легко списать на литературную идеализацию крестьянства — однако, в отличие от нас, Каховский опирался на живой опыт наблюдений за крестьянством, вообще свойственный русским дворянам XIX века. Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833—1835) подкреплял парадоксальную защиту крепостного права сходным этнографическим заключением: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи?»³ Каховский обнаруживает у крестьян не только прагматическую способность «понимать и обсуждать нужды свои», но и формально отнятые у них крепостным порядком «права и образование», коллективное практическое и теоретическое осознание своего политико-экономического достоинства, определяемого понятиями *свободы* и *республики*. Этот тезис противоречит элитистским установкам либеральной истории культуры, связывающей освободительные идеи с образованными классами и книжным знанием западного образца. Так, составители недавней антологии «Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории» локализуют понятие свободы в «интеллектуальных манифестах» элиты и объясняют «неустранимость» этого понятия из социального пространства авторитетом этих деклараций, их составителей и адресатов [Киршбаум, Плотников 2020: 5—6]. Новейший обзор истории республиканства в России вовсе исключает из рассмотрения крестьянский мир, народническому движению отводит полстраницы, а славянофильское открытие автономного от государства *народа* определяет как «мечту, оставшуюся мечтой» [Соловьев 2021: 565]. Между тем критическому взгляду открывается совсем иная картина: низовая демократия составляет обычную форму самоорганизации и самосознания сообществ, в то время как западный интеллектуальный канон со времен Платона был пронизан «политической агорафобией» — недоверием к народовластию — и зачастую работал на то, чтобы вытеснить его (путем физического порабощения — часто сопровождающегося апроприацией самих понятий *демократии* и *свободы*) в пользу той или иной формы управления сверху [Graeber 2007; Dupuis-Déri 2018].

П.Д. Киселев, несостоявшийся архитектор крестьянской реформы, в 1840 году отвергал идею освобождения крестьян с землей, поскольку это привело бы к «образованию демократии из людей, перешедших из крепостного состояния», что было бы «противно государственному устройству»⁴. Под «демократией» Киселев имеет в виду, конечно, не введение выборов, но радикальное

2 Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. СПб., 1906. С. 16—17.

3 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 258.

4 Цит. по: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. Т. 2. СПб., 1888. С. 35.

перераспределение экономической и политической власти в пользу крестьянского населения в ущерб дворянству и «престолу». Маркс в 1844 году определял демократию не как одну из возможных форм конституционного порядка, но как подлежащую революционному обнаружению основу и содержание любого государственного строя:

Демократия есть истина монархии, монархия же не есть истина демократии. Монархия есть по необходимости демократия как непоследовательность в отношении самой себя, монархический же момент не существует как непоследовательность в демократии. <...> Демократия есть разрешенная загадка всех форм государственного строя. Здесь государственный строй не только в себе, по существу своему, но и по своему существованию, по своей действительности все снова и снова приводится к своему действительному основанию, к действительному человеку, к действительному народу и утверждается как его собственное дело [Маркс 1955: 251–252] (см. также: [Abensour 2011]).

Следуя этой логике, мы предлагаем говорить о крестьянской демократии не только как об утопическом горизонте, но и как о «действительном основании» императорской России. Термин *демократия* фигурирует, например, в английской книге С. Степняка-Кравчинского о русском крестьянстве, вторившей наблюдениям Каховского и Пушкина⁵.

Отношения литературы к крестьянской демократии могут быть поняты двояко. Н.А. Добролюбов в специальной статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) называл «страшным самообольщением» представление о важности «писаний» интеллигенции для «народной жизни» и приводил неутешительную статистику о мизерной доле читающих слоев в России⁶. Однако его аргументация не останавливалась на этом тезисе; недостаток народного интереса к литературе он объяснял не только цензурой и социальными условиями жизни масс, но и недостаточной способностью литературы говорить о «предметах, прямо касающихся народа» с «общесправедливой... с человеческой... с народной точки зрения»⁷. Эту утопически-универсалистскую перспективу Добролюбов вменял не столько писателям-интеллигентам, которым она дается трудно в силу классовой «парциальности», сколько коллективному сознанию трудящихся классов: «Для того чтобы известная идея высказалась, наконец, литературным образом, нужно ей долго, незаметно и тихо созреть в умах людей, имеющих прямое, непосредственное соотношение с практической жизнью»⁸.

Профессиональный писатель оказывается в этой перспективе не романтическим творцом, но ненадежным передатчиком (*medium*) политико-утопического сознания масс, складывающегося во внелитературной, практической сфере. С точки зрения этой теории репрезентации (в двойном значении мимесиса и представительства) особая роль выпадает авторам из низших классов, которым язык литературы дает возможность артикулировать не только опыт «практической жизни», то есть труда и угнетения, но и — это для нас

5 *Stepniak S.* The Russian Peasantry: Their Agrarian Condition, Social Life and Religion. New York: Franklin Brothers, 1888. P. 72.

6 *Добролюбов Н.А.* Литературная критика: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1984. С. 161–162.

7 Там же. С. 164.

8 Там же. С. 160.

принципиально — просвечивающий в нем в качестве потенции демократический принцип.

Поэзия и свобода: политика формы

В этой перспективе мы обратимся к сочинениям крепостного предпринимателя и писателя Саввы Пурлевского (1798—1868), автора напечатанных в переработанном виде «Воспоминаний крепостного» (1877) и, по убедительной гипотезе Т.Г. Снытко, опубликованной им рукописной бытописательной поэмы «Вести о России» (1849)⁹. Неполная аутентичность обоих текстов Пурлевского (гипотетичность атрибуции в одном случае, редакторское вмешательство Н.В. Щербаня в другом) только подчеркивает трудность публичной артикуляции низового опыта¹⁰. Стихотворная форма «Вестей о России» добавляет сложности: зачем крепостному автору, почтой посылающему ко двору Николая I анонимную жалобу об экономическом состоянии крестьянства, дающийся ему не без усилий повествовательный четырехстопный ямб? Ответ на этот вопрос отчасти находится в «Воспоминаниях крепостного», рассказывающих историю знакомства Пурлевского с книгами и поэзией.

Как и многие из тех, кому довелось представлять угнетенных от первого лица, Пурлевский, закончивший жизнь купцом второй гильдии, принадлежал к привилегированной прослойке крепостного сословия. Он вырос в большом ярославском селе и происходил из зажиточного и грамотного крестьянского рода. Отец мемуариста был «любитель чтения», державший в своей библиотеке журналы Новикова, сочинения Хераскова, Фонвизина и Карамзина. Сам Пурлевский «имел большую охоту к чтению»; женившись около 1816 года, он «начал знакомиться с настоящею литературой» и, в частности, «прельщен был поэзией того времени», так что на всю жизнь запомнил «многие фантазии и

9 *Пурлевский С.Д.* Воспоминания крепостного (1800—1868) // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. / Вступ. ст. и сост. В.А. Кошелева. М.: Новое литературное обозрение, 2006; Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина 1830—1840 гг. / Подгот. Т.Г. Снытко. Ярославль: Ярославское книжное изд-во, 1961. В дальнейшем ссылки на оба этих издания будут обозначаться в тексте соответственно как «Воспоминания» и «Вести о России» с указанием страниц. Сопроводительная статья Т.Г. Снытко и его комментарии остаются лучшим исследованием «Вестей о России».

10 Гипотеза о том, что «Воспоминания крепостного» и «Вести о России» восходят к одному автору, хотя и задает структуру нашего изложения, не принципиальна для наших выводов и предложенного подхода. Сходства сопоставляемых текстов не должны быть сведены ни к романтическому понятию о неповторимом авторском голосе, ни к неизбежно гипотетическому эмпирическому тождеству автора-актора из просопографических исследований. Во избежание путаницы именем Пурлевского мы будем называть повествователя мемуаров, а применительно к «Вестям о России» будем говорить о безымянном «авторе» или «поэте». Вместе с тем приведенные до сих пор доводы против атрибуции поэмы Пурлевскому нам не представляются сокрушительными (см.: [Астафьев, Астафьева 1974: 90—91]). И поэма, и воспоминания локализуют автора в Ярославской губернии и, конкретней, в селе Великом. О других пересечениях двух текстов, которых не видят Н.А. и А.В. Астафьевы (в первую очередь в фигуре деда-бурмистра на сходке), и об интересе Пурлевского к поэзии, которого не замечает В.А. Кошелев, речь пойдет ниже. Об уточненной по архивным материалам биографии Пурлевского и ее датах см.: [Гуменюк 2019].

целиком пьесы избранных поэтов» (Воспоминания, 123, 145). Пурлевский не называет этих поэтов по именам, однако в его формулировке можно узнать многотомные антологии «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев» (1811—1815) и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (1815—1817, 1821—1822), дававшие представительный свод поэзии той эпохи. Можно предположить знакомство Пурлевского и с другими, печатными и непечатными, поэтическими сочинениями. «Вести о России» принадлежали к описанной С.А. Рейсером традиции рукописной и безцензурной социально и стилистически разнородной «вольной поэзии» [Бродский 1911; Окунь 1970: 6—9, 33; Рейсер 1970].

Чтение стихов было важным опытом для Пурлевского: они «побеждали многие предрассудки, свойственные быту простолюдина», и внушали ему «смелые мысли, которые не могли быть применяемы к порядку действительной мысли моего крепостного звания». Сперва, «когда не тяготились мои (Пурлевского. — К.О.) понятия крепостным положением», он ограничивал свои стремления тем, чтобы «встать в уровень с почетными людьми села из зажиточных», однако «книги взяли свое», так что после очередного повышения оброка «власть помещика и унижительное рабство целого общества дали себя почувствовать» (Воспоминания, 145). На первый взгляд, этот рассказ подтверждает представление о том, что крестьяне должны были черпать представления о свободе из книг образованных и либеральных авторов. Возможно, однако, и более сложное толкование этого читательского опыта.

Л.Я. Гинзбург в книге «О лирике» предложила изучать функционирование поэтического языка XIX века в связи с историей политической субъектности и «общего сознания», лишь пунктирно обозначенной фигурами декабриста и интеллигента (см.: [Гинзбург 1974: 7—8, 17—18]). Подход Гинзбург опирается на обширное предисловие Н.П. Огарева к лондонскому сборнику «Русская поэтическая литература» (1861), в котором вне досягаемости императорской цензуры история русской поэзии XIX века описывалась как тайная история общественных настроений. Отказываясь исходить из заведомого несовпадения «политического содержания с изящно-поэтической формой», Огарев понимает поэзию как общественную практику:

И кто же может верить, чтобы живое стремление к общественному благу, лирическая перестройка общественных отношений и сопряженные с ними политические ненависти и восторги — были недоступны для художественной формы?¹¹

Поэзия и ее резонанс предстают симптомом и ферментом общественной жизни. Показательно свидетельство Огарева о характере общественной рецепции Пушкина. Его тематически и стилистически разнообразная поэзия складывалась в глазах исторического читателя в «целость направления», заданную общей для поэта и его публики «потребностью освобождения»:

Именно эта целость направления, так изящно проявлявшегося у Пушкина, и имела то громадное влияние на современные умы... которое разом вызывало в людях и, как всегда, особенно в юношах, потребность гражданской свободы в жизни и изящности формы в слове¹².

11 Огарев Н.П. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1956. С. 452.

12 Там же. С. 467.

Поэтическая форма сама по себе, безотносительно политического содержания, ассоциировалась с «потребностью гражданской свободы»: «В чем заключалась гражданская свобода — Пушкин не мог сказать: дело поэзии было выразить настроение и направление»¹³. Этим «направлением» объясняется и феномен неподцензурной поэзии: «не только первоклассные и второклассные, но и вовсе бесклассные таланты, или даже не таланты, а просто люди» прибегали к стихотворной форме, потому что «два чувства искали себе выражения вне цензуры — негодование на настоящее и надежда на будущее»¹⁴. К числу таких поэтов должен быть причислен и автор «Вестей о России», хотя Гинзбург привычно локализует политико-поэтическую субъектность — пробуждающееся в XIX веке «сознание человека», который «не прочь покончить с самодержавием практически» [Гинзбург 1974: 22] — только среди дворянской и ученой публики. В мемуарном рассказе Пурлевского чтение стихов (хотя, конечно, не только их) связывается с политическим осознанием «унизительного рабства целого общества». В точном соответствии с выводами Огарева речь идет не о простом усвоении готовых лозунгов, но об артикуляции уже наличной в «общем сознании» гражданской потребности [Gorshkov 2005a: 19]. Не под влиянием одних только стихов, но после жестоких угроз общине со стороны владельцев Пурлевский (сообщающий, в частности, запомнившийся Достоевскому анекдот о помещике, травившем крепостного ребенка собаками) впервые «почувствовал прискорбность своего крепостного состояния», и тогда же ему «в первый раз представился ужасный вопрос: “Что же такое мы?”» (Воспоминания, 134).

Как показывает Артем Шеля, литературная «народная поэзия» 1810—1830-х годов была продуктом столичной культуры с ее журналами, салонами и придворным патронажем [Шеля 2018: 61—118]. Однако и феномен Кольцова, подробно рассмотренный исследователем, и случай Пурлевского указывают на недостаточность дисциплинарной оптики, ограничивающей рассмотрение литературы и эстетического опыта сферой бытования литераторов и их знакомцев. Еще в 1820 году В.Н. Каразин констатировал существование среди солдат читающего слоя «людей весьма умных, знающих грамоте», взятых из семинаристов, дворовых и стряпчих; они «так, как и все, читают журналы, газеты и проч.» (цит. по: [Рейсер 1970: 48]; см. также: [Gorshkov 2005b]). Исторический Пурлевский принадлежал к плебейской публике — отличной от мира столичных кружков и журналов сфере бытования идей, текстов и людей из низших сословий, объединенных сходным социальным опытом и политической солидарностью. Он был дружен с Тарасом Шевченко, еще одним поэтом, художником и радикалом из крепостных, и был в 1860 году причастен к переизданию его «Кобзаря», в некоторых экземплярах которого были допечатаны исключенные цензурой куски [Жур 1996: 467—468]. В 1847 году, за два года до отправки «Вестей о России», Шевченко был сослан в солдаты с запретом писать в наказание за стихи, высмеивавшие царскую семью; на этом фоне понятно использование автором «Вестей о России» (прямо упоминающих об угрозе смертной казни за непрошенные советы монарху) псевдонима и почерка (вероятно, писарского), не совпадающего с известным почерком Пурлевского.

В 1859 году Пурлевский показывал чиновнику П.А. Попову «данный ему Шевченком рисунок его подневольной жизни: стоит Шевченко со связанными

13 Там же.

14 Там же. С. 453.

вверх руками, раздетый по живот, а — сзади солдаты бьют его розгами с обеих сторон. Подпись: “Оттак мы, оттак нас!”» [Там же: 455—456]. Этой картине угнетения в сочинениях Шевченко противостоит не только постоянно воображаемый им мессианский бунт, но и само искусство [Грабович 1998; Забужко 2009] — два момента, которые сходятся и в «Вестях о России». В написанной по-русски повести Шевченко «Художник» (1856), основанной на истории его выкупа из крепостного состояния, первый урок, который автобиографический повествователь дает своему юному двойнику, крепостному художнику, звучит так: «...мне неприятно было твое унижение. Собака только руки лижет, а человек этого не должен делать»¹⁵. В «Этюдах о русской читающей публике» (1895) исследователя-народника Н.А. Рубакина приведены свидетельства крестьян, объяснявших свой интерес к содержательному чтению потребностью «самосознания» после реформы 1861 года, «исторического перелома, разом разбившего те вековые цепи, которыми была скована мысль, свобода и человеческое общество» [Рубакин 1895: 181, 184]. Поэтический и — шире — эстетический опыт оказывается формой пробуждения политического сознания, тем ускользающим от политической теории моментом, в котором *рабы* осознают себя свободными.

«Вести о России» и поэтика свободы

Огарев заключает свою статью призывом: «Где они, поэты будущего, поэты России бессословной, России народной?»¹⁶ Написанные десятилетием раньше «Вести о России», хотя не всегда отвечают требованиям «изящности», представляют собой важный опыт *народной* — низовой и утопической — поэзии. Поэма рассказывает о возвращении крестьянина-повествователя из Петербурга в родное село под Ярославлем; подобно Радищеву, Пушкину «Путешествия из Москвы в Петербург» и «Путешествия Онегина» и Гоголю «Мертвых душ», автор «Вестей о России» прибегает к форме травелога для социально-этнографического описания страны и крестьянского быта. Этнография нищеты и безысходности разворачивается в поэме, предоставляющей слово множеству крестьянских голосов, в напряжении с утопическим импульсом, распределенным между повествователем и его собеседниками. Крестьяне выступают в поэме не только в роли темных жертв страшного порядка, но и в качестве мыслящих субъектов, способных осознать причины своего положения и утопические альтернативы ему. Как показывает А. Вдовин, художественное изображение низменного быта могло связываться в эстетике XIX века с идеей республиканской уполномоченности нации [Вдовин 2016: 301]. Гражданский голос крестьянской демократии — то самое республиканское красноречие, которое распознает у крестьян Каховский, — встречается в «Вестях о России» с книжным поэтическим языком александровской эпохи. Так активизируется радикальный потенциал той околореволюционной «гражданской поэзии», которая, как указывает Гинзбург вслед за В.А. Гофманом, восходила к «политической фразеологии Великой французской революции» [Гинзбург 1974: 26].

15 Шевченко Т. Твори: В 3 т. Т. 2. Київ: Державне видавництво художньої літератури, 1963. С. 442.

16 Огарев Н.П. Указ. соч. С. 502.

Действительно, поэтические сочинения и антологии александровской эпохи не чуждались не только таких «слов-сигналов», как *рабство*, *вольность* и *гражданин*, но и крестьянского вопроса. Так, в «Собрании образцовых русских сочинений» было напечатано послание А.Ф. Воейкова «К моему старосте» (1807), касавшееся — в русле Указа 1803 года о вольных хлебопашцах — вопроса о положении крепостных. Обращаясь к своему *человеку*, поэт восклицает:

Теперь, мой друг! сравни, сообрази прилежно
 Быт барский хлопотный и тихий свой удел.
 Ты жизнь ведешь умно, спокойно, безмятежно,
 В крестьянстве быть всегда свободным ты умел;
 А я!.. о, верная примета сумасбродства! —
 Свободный званием, но в самом деле раб
 <...>
 Свобода не одно с испорченною волей
 <...>
 Поверь... и Греция, и Рим тебе порукой,
 Сии невольники — Эзоп и Эпиктет...
 Ах! я забыл, что ты не просвещен наукой,
 Что незнаком тебе республик древних свет...
 Но ты и в этом прав: с простым и добрым сердцем
 И с маленьким умом, довольным про себя,
 Как я желал бы быть таким, как ты, младенцем!
 Как рад бы я прийти учиться у тебя!
 Не зная римских прав, живешь в ладу с соседом
 <...>
 Умеешь выполнить свой долг без Цицерона;
 Готов последний грош убогому отдать.
 Ты трезв, трудолюбив, спишь на пуку соломы;
 Работе, отдыху — всему урочный час
 <...>¹⁷

Вопрос о крепостном рабстве решается здесь при помощи бродячих топосов о развращенности привилегированной жизни и эпистолярной имитации светского балагурства. Однако за этой стилистико-идеологической доминантой встает иной концептуальный и социальный материал — признание свойственного крестьянству этоса свободы, напоминающего о «республиках древних». Игривая болтовня Воейкова отвечает на серьезный, хоть и не заданный прямо, вопрос о *свободе*, подмененный в тексте вопросом крепостного старосты о том, почему барин ропщет на судьбу больше крепостных. В фигуре старосты, «безграмотного мудреца», обнаруживается еще один вызов, который нужно обезвредить поэту-душеладельцу: расхожему патерналистскому тропу «маленького ума» крестьянина-«младенца» (кантовской аллегории политической недееспособности) противостоит способность «невольников» размышлять об устройстве общества и своем положении в нем, обозначенная классическими фигурами Эзопа и Эпиктета.

17 Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю.М. Лотмана; подгот. текста М.Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биограф. справки и примеч. М.Г. Альтшуллера и Ю.М. Лотмана. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 267; Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 4. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1822. С. 253—254.

Пурлевский, которого публикатор и редактор его записок Н.В. Щербань обозначает как «человека умного, бывалого, читавшего на своем веку, но едва грамотного»¹⁸, обретает голос на том же перекрестье крестьянского и книжного миров, экономической прозы и поэтического республиканства, что и воейковский староста; однако «Вести о России» резко сдвигают политические акценты. Поэтическая речь, и вместе с ней образованность, уже у Воейкова оказывается атрибутом дворянской привилегированности и угнетения крестьян. Беседа со старостой он обрывает такой формулой:

Мне время рифмы плесть — тебе пора пахать!¹⁹

В поэтической этнографии «Вестей о России» рассуждающий по-воейковски просвещенный барин появляется в качестве устрашающей фигуры деспотизма. Истязаяющий своих крестьян помещик обращается к ним так:

Вот слушай, бестия, припевы
От нас, ученых россиян.
Скоты, козлы, ленивцы, все вы
Должны трудиться для дворян!

(Вести о России, 83)

Рабство и угнетение обнаруживаются в качестве социального означаемого дворянской учености и сопутствующей ей речевой позиции просвещенного превосходства. Послание Воейкова задается, в консервативной оптике, фундаментальным вопросом о соотношении рабства, добродетели и просвещения крестьян, — или, в категориях Каховского, об их «правах и образовании», — который оказывается узловым и для «Вестей о России». У Воейкова настоящая политическая добродетель оказывается невозможна без «науки», поэтому крестьянам остается наивное, хоть и гармоничное существование «без Цицерона». «Вести о России» принимают исходную посылку, однако объясняют недостаток образования среди крестьян не их простодушной естественностью, а невыносимыми условиями труда и политикой угнетателей:

Боярский сбор большой и строгой
В мир вкоренил невежество и плутовство
<...>

О, участь горька мужиков!
В тумане дни их протекают,
Мне жаль себя и земляков,
В нас все таланты погибают.
Нам, в белом свете живучи,
Работы рабские вручают,
И просвещения лучи
Сквозь иго их в нас не сияют
<...>

18 Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. С. 712.

19 Поэты 1790—1810-х годов. С. 268.

О, горе будет тому роду,
Кто губит труд малоимущих,
И вяжет ум, талант, свободу,
Не учит в слепоте живущих.
Кто сам не внемлет просвещенья,
Прильнувши к праздной суете!

Наук, политики не знаем <...>
За то нас мнут ученые — глупцы.

(Вести о России, 37, 39, 56, 86)

Просвещение оказывается не столько привилегией правящего класса, сколько украденным у масс естественным правом; не столько знанием «для немногих», сколько социальным эквивалентом заложенных во всех крестьянах природных талантов, их способности к самостоятельному действию. В понятии *просвещения* в «Вестях о России» сходится христианское благочестие (в соответствии с исходным значением русского термина), книжное знание, хозяйственная расторопность и демократическая уполномоченность («политика»). Отсутствием *просвещения* характеризуется не только положение одного сословия, но и весь общественный строй, который должен был строиться на равноправии и уважении человеческого достоинства («Над всем земным царь — человек! / Но что же? Нас зовут — “именье”», Вести о России, 98). Игривые софизмы Воейкова, стирающие различия между свободой и неволей и провозглашающие, что барин «свобод<ен> званием, но в самом деле раб», оказываются в перспективе «Вестей о России» симптоматичны для дворянства, которое само «не внемлет просвещенья», и уступают место мрачной картине государства, в котором все рабы:

Так вот какие русских нравы —
Не скоро их и разберешь!
Посмотришь — бедные неправы,
Да и богатых доброго мало найдешь.
Во всех нас зависть, гордость, глупость,
Все самолюбием упоены,
Все без умерения — роскошь, скупость,
Все злом рабства заражены!

(Вести о России, 55)

Объясняя причины общественного распада *рабством*, автор «Вестей о России» (как и поэты александровской эпохи) оперировал языком естественного права и политической теории от Макиавелли до Монтескье. Этот теоретический язык, обеспечивший гражданской поэзии начала XIX века ее «слова-сигналы», был принят на вооружение еще в екатерининской России [Гуковский 1938; Бутров, Киселев 2016], а потом актуализирован Французской революцией. Прочитируем напечатанную лишь в александровское царствование и ходившую в списках «Оду на рабство» (1783) В.В. Капниста, отвечавшую на закрепощение украинских крестьян Екатериной:

Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть огады
И вольность узами теснит.
Где благо, счастье народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
<...>

Воззрите вы (цари. — К. О.) на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет любезныя свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий полную чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И злая смерти жизнь влекут
<...>²⁰

У Капниста, как и в «Вестях о России», *рабство* оказывается всеобщей характеристикой общественного устройства. Хотя и Капнист, и автор «Вестей» ожидают упразднения рабства от монархии, *свобода (вольность)* предстает у них не высочайшим даром, но естественным состоянием сообществ: перед вторжением деспотической воли — возникновением монархии, завоеванием Украины — «кущи, села, грады / Хранил от бед свободы щит». Свобода как принцип коллективного существования понимается как исходное свойство крестьянского уклада. Дед Пурлевского, умирая крепостным около 1800 года, говорил своему сыну: «...от сего времени ты полный хозяин своей жизни» (Воспоминания, 119; ср.: [Gorshkov 2005a: 19]). «Вести о России», параллельно с жалобами на темноту и нищету крестьян, дают коллективный портрет крестьянской субъектности, пронизанной уже знакомой нам по формулировкам Каховского и Огарева «потребностью гражданской свободы». Повествователь беседует с ямщиком о крепостном состоянии:

Затем спросил, как знатока:
— Скажи мне, друг мой, покороче —
Здесь что нужно для народа?
Поспешно отвечал мне он:
— Свобода,
Царь и христианский всем один закон.

(Вести о России, 38)

Апелляция к царю и богу не противоречит радикальности «Вестей о России». Ожидание — или требование — свободы от царя, которое принято списывать

---

20 Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века / Сост. С.А. Рейсер. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 160.

на «наивный монархизм» крестьян, было вполне логично в качестве легалистской апелляции к воплощенному в царе принципу суверенитета и точно так же практиковалось дворянскими сторонниками эмансипации; освобождение крестьян в 1861 году и осуществилось царским указом. Христианство тоже связывалось в «Вестях» с представлением о внесловном равенстве людей и нелегитимности крепостного угнетения: «Кажись бы, все мы христианы... / Откуда ж взялись тираны?» (Вести о России, 94; см.: [Клибанов 1978]). При помощи ходячего словаря гражданской поэзии «Вести о России» прямо угрожают царю и дворянству революцией:

Вострепещите, русски ханы!
<...>
Затем, что утренняя заря
В сердцах у русских занялася
<...>
Отдайте на Руси свободу!
Немного время остается.
Не дожидайтесь черна году,
В который гнев на вас польется!
Вдруг грянет гром со всех сторон,
Во мраке молния заблещет,
От звуков потрясется трон
И царь от страха вострепещет.
(Вести о России, 146—147)

Приведенное ранее призывание *свободы*, рифмующейся с *народом*, риторически параллельно описанию Французской революции в пушкинском «Андрее Шенье» (1825). Вопреки казнившему поэта якобинскому террору, здесь провозглашались утопические потенции революции:

Постой, постой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа²¹.

Во фрагменте из «Андрея Шенье», не допущенном в печать, но широко ходившем в списках под названием «На 14 декабря», первые шаги революции тоже описывались как акт коллективного провозглашения:

Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: Блаженство!²²

В «Вестях о России» аллегорическая формула «оковы падали» обретает такой вид:

---

21 Пушкин А.С. Полн. собр. соч.. Т. 2. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 402.

22 Там же. С. 398; Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века. С. 327—328.

Ужель это тогда случится,
Что ржаву цепь нам отопрут
И иго рабства с нас свалится?
(Вести о России, 96)

Описывая грядущую утопию, крестьянские голоса «Вестей о России» вновь обращаются к риторическому жесту провозглашения нового порядка, обозначенного подчеркнутым рифмой понятием *свободы*:

Тогда б земля возобновилась
<...>
От воли б дома улучшились,
Всем заведением и скотом,
И дети б наши научились
Своим жить собственным трудом.
<...>
И вся б сказала с нам природа:
Цвети, российская страна!
Неволи нет, у нас свобода!
(Вести о России, 95)

У Пушкина картина *равенства и блаженства* оборачивается иллюзией, недолго маскирующей вновь установленное рабство революционной диктатуры: «Мы свергнули царей. Убийцу с палачами / Избрали мы в цари»²³. Из этого хода событий поэт делает фундаментально-антидемократический вывод о «презренном бешенстве народа»²⁴. Реабилитируя революционную идею, автор «Вестей о России» не столько оправдывает террор (насильственная революция фигурирует в поэме в виде угрозы, которую следует предотвратить), сколько опирается на совсем иное понимание свободы. У Пушкина достигнутая бунтом *вольность* погибает в момент конституционного делегирования власти («избрали мы в цари»), низводящего *народ* к традиционной роли зрительного зала в спектакле господства [Анкерсмит 2014]. В «Вестях о России» речь идет не о выборах и формальных институтах, но о прямой и горизонтальной демократии (вспомним словоупотребление Киселева) — уполномоченности всего «трудолюбивого народа», всеобщем экономическом и политическом равноправии:

И независимость свободы
Народу будет отдана.
И вольные у нас права
<...>
Во все народны общества
В порядке правильном введутся.
(Вести о России, 147)

В этом будущем «воскликнет голосом поэта / Крестьянина-простолюдина сын» (Там же). Поэтическая форма оказывается вписана в горизонт радикально-

---

23 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 398.

24 Там же.

демократической утопии как модальность доступного будущему гражданину политического голоса, способного, по формулировке Огарева, к «лирической перестройке общественных отношений».

Эстетика народного собрания

Литературная форма «Вестей о России» представляет собой медиальную артикуляцию демократии как практики и утопии. Как показал П.В. Соболев, русская эстетика первых десятилетий XIX века, декабристской эпохи, регулярно связывала происхождение и работу поэзии с демократическим идеалом классических республик, Афин и Рима [Соболев 1975]. Так, Н.М. Рожалин писал в «Рассуждении о духе, характере и силах древних стихотворцев, ораторов и историков» (1825):

Высокое мнение, которое имели греки о достоинстве человека, весьма много содействовало развитию талантов и было источником демократического духа, господствовавшего во всех греческих республиках... Всякий почитал себя существом, которое в самом себе имеет семя всех совершенств; всякий был занят своею нравственною независимостию, хотел свободного поприща для своей деятельности и, как самобытный член нации, видимого участия в делах общественных. <...> ...у греков гений и произведения его принадлежали отечеству; их поэзия и красноречие были делом всенародным, и по сей причине имели характер национальный²⁵.

Теория поэзии здесь совпадает с теорией демократии, в которой каждый гражданин осознает свою уполномоченность. В «Вестях о России» будущая *свобода* также понимается как освобождение личных энергий («таланты вырвутся из муки», Вести о России, 147) в пространстве общего блага. Амбиция будущего крестьянского поэта, как и его афинских предшественников, не ограничится литературной сферой, но откроет ему путь к республиканскому соучастию в управлении: «...вскоре он себе от света / Получит почести и чин» (Вести о России, 148). «Демократический дух» разворачивается в том пространстве публичности — сотрудничества, соревнования и выказывания себя — которое Ханна Арендт описывает как узловое свойство полиса и политики как таковой [Арендт 2000]. В этом пространстве существует не только гражданин, но и поэзия, способная, согласно Арендт, увековечить преходящую стихийность прямой демократии. Рассуждая о лирике как форме, адресованной к читателям публичной речи, Л.Я. Гинзбург предлагает увидеть компетентную публику не только в образованных слоях, но и в крестьянстве: «...устная крестьянская поэзия всегда имела понимающего слушателя, в высшей степени способного расшифровывать систему ее иносказаний» [Гинзбург 1974: 12]. Предвосхищая «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, «Вести о России» растворяют авторитет автора-повествователя во множестве встречающихся ему на пути крестьянских голосов, мужских и женских, и фиксируют демократическую полифонию крестьянского *мира*, обозначающуюся понятием *вестей* — передававшихся крестьянами друг другу слухов и суждений [Базанов 1959; Gorshkov 2005b].

---

25 Веневитинов и Любомудры / Сост. В.С. Парсамов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 425–426.

Заимствуя термин Дж. Флаэрти, мы можем назвать устройство анонимной поэмы «поэтическим народовластием» [Флаэрти 2021].

«Вести о России» выискивают в крестьянском и национальном существовании формы демократического авторитета, отличные от *рабства* и деспотизма. Глухое упоминание будущего революционного «вождя» (Вести о России, 94) поясняется в отрывке, где поэт, подобно пророку Пушкина и Федора Глинки, просит у Бога «голос правды как трубу», который бы наставил царя, чтобы тот «рабства цепи разрушил», и «жить прямому направленью / народ в подданстве научил» (Вести о России, 102; ср.: [Вацуру 1994]). Эта фигура отнесена к утопически-мессианскому времени и свойственным ему экстраординарным формам речи, а в крепостном настоящем авторитетом наделены фигуры вроде Старика — обладающего способностью суждения, но не формальной властью крестьянина-«знатока», который «раздоры, буйства сокращал / своими умными словами» и первым из персонажей поэмы сформулировал системную критику крепостного *рабства* (Вести о России, 32, 34). Авторитет такого рода определен не фиксированным личным статусом, но демократическим консенсусом, находящим свою институциональную форму в народном собрании, мирском сходе. В «Вестях о России» картина схода появляется мимоходом в речах Старика:

На пашнях мой покойный дед
 Вовсенародно говорил:
 — Должно работать нам, миряна,
 Для всех полезен земной труд.
 Да жаль — к зиме все оберут
 От нас на шалости дворяна.

(Там же, 33)

Эта лаконичная зарисовка соответствует более подробному рассказу в «Воспоминаниях крепостного». Уже знакомый нам дед мемуариста Петр Петрович, образцовый носитель демократического авторитета, был избран в бурмистры крестьянским *миром*, или *обществом*. После своего избрания он созвал «все общество» своего торгового села на сход и, отложив повседневные дела, произнес речь об улучшении общего состояния. Крестьянскую общину он описывал как торговую республику, опирающуюся на «добросовестный труд» и репутацию каждого. Деловые качества оборачиваются формой политической добродетели, позволяющей крестьянам совместно противостоять рабству:

Если мы Всевышним Промыслом обречены быть крепостными, то не совсем лишены средств устроить свой быт: хотя земли нашей пахотной и недостаточно к прокормлению, мы свободны в выборе заниматься каждый чем кому сподручнее... (Воспоминания, 117).

Соответственно с этим исправление дурного экономического положения зависит от возобновления лежащих в основе *мира* принципов:

Не бедность причиной плохой нашей жизни, а нет между нами согласия. Раскол у нас в вере, и между собой, и несправедливости, и обман, — оттого недоверие одного к другому. Будь мы бедны, да честны и правдивы, нашлось бы и пособие. Ведь и дурная слава о нас пошла, никто на нас не полагается, потому что мы промеж

себя пререкаемся. Давайте постановим приговор, что с этого дня все ручаемся один за другого в таких-то деньгах, по способности и поведению каждого (Там же).

Оставляя в стороне экономическую программу этой речи, обратим внимание на акт возобновления коллективной политической добродетели, осуществляемого оратором в народном собрании. По свидетельству мемуариста, после этой речи (и вследствие предложенных в ней конкретных мер) «наши крестьяне точно переродились» и село разбогатело (Воспоминания, 118). Фигура «перерождения» принадлежала к ключевым тропам демократического обновления и регулярно связывалась с революционным ораторством. В пушкинском «Андрее Шень» она составляет кульминационный пункт революции:

Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу
<...>
Я зрел, как их могучи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли²⁶.

У Пушкина, как мы уже видели, провозглашенное оратором преобразование оказывается пустой фигурой речи, политическим фантазмом, маскирующим возвращение деспотизма. В «Воспоминаниях крепостного» это преобразование оказывается вполне конкретным, связанным с практической реорганизацией коллективного быта на основе принятых *обществом* политических начал. Если у Пушкина «земля» представляет собой выразительную, но расплывчатую политическую абстракцию, то в отчасти созвучной революционной утопии «Вестей о России» («Тогда б земля возобновилась...») *земля* фигурирует как вполне конкретное понятие аграрного уклада. Осязаемость политических перемен соответствует конкретности прямой демократии, в которой участие людей в самоуправлении не сводится к формальной фикции, но определяет действительное существование *общества*.

В качестве литературного акта и эстетического эксперимента «Вести о России» не столько соединяют высокий поэтический стиль с простонародным содержанием, подобно старинной ироикомической поэме, сколько стирают различия иерархической эстетики и осуществляют тот «эстетический режим» XIX века, в котором «внешность, одежда и жесты обыкновенного человека» были поняты как ключ к целому «обществу и эпохе» [Rancière 2004: 32]. В этой логике именно крестьянский быт, описанный крестьянином, и должен был составлять главную тему русской литературы. Так рассуждает не только Добролюбов, но и, например, Н.Н. Златовратский, опубликовавший уже в пореформенную пору масштабную серию этнографических очерков «Деревенские будни» (1878—1879). По мнению Златовратского, только будущие писатели из крестьянства смогут передать определяющую крестьянский уклад «атмосферу общинной жизни» и тем самым «осуществить идеал того искусства на социологической подкладке... о котором мечтают современные философы»²⁷.

26 Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 398.

27 Златовратский Н.Н. Деревенские будни (Очерки крестьянской общины) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX в. / Сост. Ю.В. Лебедев. М.: Современник, 1987. С. 303.

Этим рассуждением у Златовратского открывается очерк деревенских сходо-в как осязаемой политической манифестации общинного принципа. Начала, на которых построен общинный уклад, таковы: «...самостоятельность личности, равное право на общий труд и общую собственность и общинная помощь как право и обязанность»²⁸. Так, вся общинная собственность может регулярно перераспределяться «во имя справедливости, во имя *равнения*»²⁹. Община, таким образом, не стихийна, но строится на сознательной коллективной деятельности: члены общины, даже дети «прекрасно понимают всю систему своих общинных отношений»³⁰. Только осознав это, наблюдатель может увидеть в сельском сходе пульсирующий орган демократического уклада, «убедиться, что мужицкая сходка — не бессвязная болтовня, что решения постав-ляемые ею, логическое следствие... сложных взаимодействий разнообразных элементов»³¹.

Речь не идет об упрощающе-идеализированном взгляде на общинную повседневность: Златовратский ясно артикулирует пронизывающие ее социальные противоречия, описанные и позднейшими исследователями и свойствен-ные, заметим в скобках, любым политическим формам³². Не приукрашивая мрачную общественную ситуацию, — напротив, призывая к радикальным пере-менам, — народники, вслед за самими крестьянами, распознают в общине утопический горизонт, семена демократического *перерождения*. Помимо прак-тических соображений, пишет Златовратский, общиной и сходкой движет и утопический импульс — «мужицкий современный идеал», обозначенный поня-тием «хозяйствовать» и требующий

невозможное сделать возможным, примирить непримиримое, голодного мужика увидеть сытым, безземельного — «рациональным сельским хозяином», вековеч-ные принципы общины примирить с широким понятием личной собственности³³.

В этой утопии Златовратский видит не только отражение крестьянских обыкно-вений, но и образец для будущего «широкого, всеобъемлющего национально-русского компромисса»³⁴, который представляет себе и автор «Вестей о России».

И в «Воспоминаниях крепостного», и в «Вестях о России», и у Златоврат-ского встает вопрос не только о политико-экономическом содержании крестья-нской жизни, но и о сходке как ее форме, в которой общинные принципы «равнения» и крестьянская утопия обретают осязаемость «ораторских пре-ний»³⁵, становятся фактом политической эстетики, *aisthesis* [Базанов 1959;

28 Там же. С. 294.

29 Там же. С. 299.

30 Там же.

31 Там же. С. 318.

32 О двойственном изображении крестьянства и общины в народнической литературе и, в частности, у Златовратского, под влиянием надежд на революционность крестьянства и разочарования в нем см., например: [Идеи социализма 1969: 374–465; Frigerson 1993]. Из работ позднейших историков о русском крестьянстве и его укладе см., например: [Шанин 2020]. Шанин отказывается от продиктованного больше-вистской догматикой взгляда на народников как на ослепленных своей верой «ге-роических романтиков» и предлагает видеть в них «реалистических аналитиков» российской действительности и революционного протеста [Шанин 1997: 12].

33 *Златовратский Н.Н.* Указ. соч. С. 361.

34 Там же.

35 Там же. С. 305.

Frank 2021]. Наблюдая сходы, Каховский не только отмечал свойственное крестьянам красноречие, но и усматривал в нем видимое проявление республиканского уклада общины. Ораторская форма крестьянского схода выказывает те же черты, что и сцены народных собраний в высокой словесности: так, «могущим волнам» революционного народа и «восторгу» оратора в пушкинском «Андрее Шенье» соответствует у Златовратского «беспредельное, глубокое, спокойное, но не безжизненное море» общины, «сплошной гул» сходки и охватывающее ее участников «возбуждение» — особый модус коллективной откровенности, «самой широкой гласности», имеющий непосредственно политическую функцию: «...когда, по-видимому, частные интересы каждого достигают высшего напряжения, в свою очередь, общественные интересы и справедливость достигают высшей степени контроля»³⁶.

В пушкинских стихах идея демократии дважды формальна. Политически она может быть помыслена только как иллюзия и условность — так что и поэтическое изображение революции и ее оратора оказывается в «Андрее Шенье» чисто литературным экспериментом. Такой эксперимент (Пурлевский говорит в этой связи о «фантазиях поэтов») обретает эмансипаторное значение только в меру несовпадения между поэзией и действительностью (Огарев, предвосхищая Адорно, называет этот эстетический принцип «антитетическим»). Осмысляя в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) опыт Франции от революции до Второй империи, Достоевский констатировал редукцию республиканской речи до эстетической игры:

...речи ораторов национального собрания, конвента и клубов, в которых народ принимал почти непосредственное участие и на которых он перевоспитался, оставили в нем только один след — любовь к красноречию для красноречия³⁷.

«Вести о России», воспроизводящие картины крепостного быта и многогололицу крестьянской общины, действуют в обратной логике: они активируют политический потенциал поэтического воображения с тем, чтобы артикулировать коллективную утопию действительной, а не формальной демократии и равенства.

Библиография / References

[Анкерсмит 2014] — Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Высшая школа экономики, 2014.
(Ankersmit F. Aesthetic Politics: Political Philosophy Beyond Fact and Value. Moscow, 2014. — In Russ.)

[Арендт 2000] — *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000.
(Arendt H. The Human Condition. Saint Petersburg, 2000. — In Russ.)
[Астафьев, Астафьева 1974] — *Астафьев А.В., Астафьева Н.А. Писатели Ярославского*

36 Там же. С. 285, 305.

37 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 90.

- края. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1974.
- (Astaŕ'ev A.V., Astaŕ'eva N.A. Pisateli Yaroslavsogo kraja. Yaroslavl', 1974.)
- [Базанов 1959] — *Базанов В.Г.* Поэма «Кому на Руси жить хорошо» и крестьянское политическое красноречие // Русская литература. 1959. № 3. С. 28—50.
- (Bazanov V.G. Poema "Komu na Rusi zhit' khorosho" i krest'yanskoe politicheskoe krasnorechie // Russkaya literatura. 1959. No. 3. P. 28—50.)
- [Бродский 1911] — *Бродский Н.Л.* Крепостное право в народной поэзии // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 6 т. Т. IV. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. С. 1—33.
- (Brodskiy N.L. Krepostnoe pravo v narodnoy poezii // Velikaya reforma. Russkoe obshchestvo i krest'yanskiy vopros v proshlom i nastoyashchem: In 6 vols. Vol. IV. Moscow, 1911. P. 1—33.)
- [Бугров, Киселев 2016] — *Бугров К.Д., Киселев М.А.* Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016.
- (Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel': integratsiya evropeyskogo vliyaniya v rossiyskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII v. Ekaterinburg, 2016.)
- [Вацуро 1994] — *Вацуро В.Э.* «Пророк» // Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб.: Академический проект, 1994. С. 7—16.
- (Vatsuro V.E. "Prorok" // Vatsuro V.E. Zapiski kommentatora. Saint Petersburg, 1994. P. 7—16.)
- [Вдовин 2016] — *Вдовин А.В.* «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2016. № 146. С. 287—315.
- (Vdovin A.V. "Navedomy mir": russkaya i evropeyskaya estetika i problema reprezentatsii krest'yan v literature serediny XIX veka // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 146. P. 287—315)
- [Гинзбург 1974] — *Гинзбург Л.Я.* О лирике. Л.: Советский писатель, 1974.
- (Ginzburg L.Ya. O lirike. Leningrad, 1974.)
- [Грабович 1998] — *Грабович Г.* Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка. 2-е вид. / Перекл. з англ. С. Павличко. Київ: Часопис "Критика", 1998.
- [Гуковский 1938] — *Гуковский Г.А.* Вокруг Радищева // Гуковский Г.А. Очерки русской литературы XVIII в. Л.: ГИХЛ, 1938. С. 5—234.
- (Gukovskiy G.A. Vokrug Radishcheva // Gukovskiy G.A. Ocherki russkoy literatury XVIII v. Leningrad, 1938. P. 5—234.)
- [Гуменюк 2019] — *Гуменюк А.Г.* «Воспоминания крепостного» и их герой крестьянин Савва Пурлевский // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 27—42.
- (Gumenyuk A.G. "Vospominaniya krepostnogo" i ikh geroy krest'yanin Savva Purlevskiy // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2019. No. 2 (22). P. 27—42.)
- [Забужко 2009] — *Забужко О.* Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу. 4-е вид. Київ: Факт, 2009.
- [Жур 1996] — *Жур П.В.* Труды и дни Кобзаря. Люберцы: Люберецкая газета, 1996.
- (Zhur P.V. Trudy i dni Kobzarya. Lyubertsy, 1996.)
- [Идеи социализма 1969] — Идеи социализма в русской классической литературе / Под ред. Н.И. Пруцкова. Л.: Наука, 1969.
- (Idei sotsializma v russkoy klassicheskoy literature / Ed. by N.I. Prutskova. Leningrad, 1969.)
- [Киришбаум, Плотников 2020] — *Киришбаум С.В., Плотников Н.С.* От составителей // Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории. Антология / Под ред. С.В. Киришбаум и Н.С. Плотникова. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 5—10.
- (Kirschbaum S.V., Plotnikov N.S. Ot sostaviteley // Diskursy svobody v rossiyskoy intellektual'noy istorii. Antologiya / Ed. by N.S. Plotnikov i S.V. Kirschbaum. Moscow, 2020.)
- [Клибанов 1978] — *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. XIX век. М.: Наука, 1978.
- (Klibanov A.I. Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. XIX vek. Moscow, 1978.)
- [Маркс 1955] — *Маркс К.* К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. 2-е изд. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 219—368.
- (Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie // Marx K., Engels F. Sochineniya. Vol. 1. Moscow, 1955. P. 219—368. — In Russ.)
- [Окунь 1970] — *Окунь С.Б.* Русское общественное движение и вольная поэзия // Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века / Сост. С.А. Рейсер. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 5—40.
- (Okun' S.B. Russkoe obshchestvennoe dvizhenie i vol'naya poeziya // Vol'naya russkaya poeziya vtoroy poloviny XVIII — pervoy poloviny XIX veka. Leningrad, 1970. P. 5—40.)
- [Рейсер 1970] — *Рейсер С.А.* В борьбе за свободное слово // Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой поло-

- вины XIX века / Сост. С.А. Рейсер. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 41—78.
- (Reyser S.A. V bor'be za svobodnoe slovo // Vol'naia russkaya poeziya vtoroy poloviny XVIII — pervoy poloviny XIX veka. Leningrad, 1970. P. 41—78.)
- [Рубакин 1895] — *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб.: Склад изд. Н.П. Карбасникова, 1895.
- (Rubakin N.A. Etyudy o russkoy chitayushchey publike. Saint Petersburg, 1895.)
- [Соболев 1975] — *Соболев П.В.* Теория изящного — теория действия // Декабристы и русская культура / Ред. Б.С. Мейлах. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. С. 107—142.
- (Sobolev P.V. Teoriya izyashchnogo — teoriya deystviya // Dekabristy i russkaya kul'tura / Ed. by B.S. Meylakh. Leningrad, 1975. P. 107—142.)
- [Соловьев 2021] — *Соловьев К.А.* Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / Под ред. К.А. Соловьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 555—614.
- (Solov'ev K.A. Res publica v obshchestvennoy mysli Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) // Res Publica: Russkiy respublikanizm ot Srednevekov'ia do kontsa XIX veka / Ed. by K.A. Solov'ev. Moscow, 2021. P. 555—614.)
- [Флаэрти 2021] — *Флаэрти Дж.* Новый человек и народ: лирический голос и поэтическое народовластие у Н.А. Некрасова // Русская литература. 2021. № 4. С. 52—64.
- (Flaherty J. Novyy chelovek i narod: liricheskiy goslos i poeticheskoe narodovlastie u N.A. Nekrasova // Russkaya literatura. 2021. No. 4. P. 52—64.)
- [Шанин 1997] — *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. → 1917—1922 гг. / Пер. с англ. Е.М. Ковалева. М.: Весь мир, 1997.
- (Shanin T. Russia, 1905—07 → 1917—1922: Revolution as a Moment of Truth. Moscow, 1997. — In Russ.)
- [Шанин 2020] — *Шанин Т.* Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910—1925 / Пер. с англ. А.В. Соловьева. М.: Дело, 2020.
- (Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910—1925. Moscow, 2020. — In Russ.)
- [Шеля 2018] — *Шеля А.* «Русская песня» в литературе 1800—1840-х гг. Tartu: University of Tartu Press, 2018.
- (Shelya A. "Russkaya pesnya" v literature 1800—1840-kh gg. Tartu, 2018.)
- [Abensour 2011] — *Abensour M.* Democracy Against the State: Marx and the Machiavellian Moment / Transl. by M. Blechman, M. Breaugh. Cambridge: Polity Press, 2011.
- [Dupuis-Déri 2018] — *Dupuis-Déri F.* Who's Afraid of the People? The Debate Between Political Agoraphobia and Political Agoraphilia // Global Discourse. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 238—256.
- [Frank 2021] — *Frank J.* The Democratic Sublime: On Aesthetics and Popular Assembly. Oxford: Oxford University Press, 2021.
- [Frierson 1993] — *Frierson C.* Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth Century Russia. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- [Gorshkov 2005a] — *Gorshkov B.* Introduction // A Life under Russian Serfdom: The Memoirs of Savva Dmitrievich Purlevskii, 1800—68. Budapest: Central European University Press, 2005. P. 1—20.
- [Gorshkov 2005b] — *Gorshkov B.* Democratizing Habermas: Peasant Public Sphere in Pre-reform Russia // Russian History. 2005. Vol. 31. No. 4. P. 373—385.
- [Graeber 2007] — *Graeber D.* There Never Was a West: Or, Democracy Emerges From the Spaces in Between // Graeber D. Possibilities: Essays on Hierarchy, Rebellion, and Desire. Oakland: AK Press, 2007. P. 329—374.
- [Rancière 2004] — *Rancière J.* The Politics of Aesthetics. The Distribution of the Sensible / Transl. by Gabriel Rockhill. New York: Continuum, 2004.